

На правах рукописи

МАРЧЕНКО РОМАН АЛЕКСЕЕВИЧ

**МИФОЛОГИЗАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

22.00.06 – социология культуры

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата социологических наук

Майкоп - 2016

Работа выполнена в НОУ ВПО «Северо-Кавказский социальный институт»

Научный руководитель: **Федоровский Александр Петрович**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Столяренко Людмила Дмитриевна,**
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры образовательных
технологий Южно-Российского
государственного политехнического
университета (НПИ) имени М.И. Платова,
(г. Новочеркасск)

Петрулевич Ирина Анатольевна,
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры исторической
политологии ФГАОУ ВПО «Южный
Федеральный Университет», (г. Ростов-
на-Дону)

Ведущая организация – ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», (г.
Ставрополь)

Защита состоится 2015 г. в 10-00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.001.05 при Адыгейском государственном
университете по адресу: 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208,
конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Адыгейского
государственного университета. Текст автореферата размещен на сайтах
Адыгейского государственного университета www.adygnet.ru и Высшей
аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки
Российской Федерации www.vak2.ed.gov.ru

Автореферат разослан 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ляужева С.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ускорение темпов социокультурного развития, тотальная модернизация всех без исключения сфер социальной жизни, расширение ареала постиндустриализма, радикальная трансформация социальных практик, усиление неопределенности общественных перспектив, а также иные аналогичные факторы резко повышают степень научной актуальности проблематики, связанной с перестройкой сознания общества, преодолением заложенных в нем стереотипов и иллюзорных представлений. Носитель мифологизированного сознания не может претендовать на роль успешного социального актора, его человеческая капитализация останется крайне низкой, он будет лишен способности критического мышления и аналитических способностей, а ложность мировоззренческих ориентиров не позволит реализоваться жизненным стратегиям.

Особую актуальность тематизация мифологического контента в сознании общества обнаруживает в контексте социологии культуры и ее эвристических возможностей. Именно в пространстве социологической науки мы можем осуществить дифференциацию того, что составляет этнокультурную основу общественного сознания и формирует его социокультурную идентичность от локализованных там же мифологических конструктов. В частности, подобная процедура осуществляется посредством факторной и структурной операционализации понятия социокультурного мифа. Одновременно апелляция к классическим и современным социологическим теориям позволяет выработать релевантный понятийно-категориальный аппарат исследования, а также продуктивную методологическую стратегию.

Безусловный интерес представляет дескрипция и анализ структуры национальной мифологемы, уточнение того места, которое она занимает в коллективном сознании современного российского общества и установление особенностей ее влияния на основные социальные практики. При этом

особое внимание следует обратить на диалектику реалистических, исторически апробированных установок отечественной социокультурной мифологии и тех ее аспектов, которые собственно и делают миф мифом в его традиционном понимании.

В конкретизации нуждается и характер тех угроз, которые исходят от дезориентирующих установок социокультурного мифа. Последний не только искажает существующие социальные реалии, но и препятствует появлению креативного сознания, обеспечивающего эффективность социального актора, затрудняет формирование его субъектности, консервирует архаичные паттерны мышления. Пребывание в парадигме мифологизированной ментальности обрекает ее носителя на социальное аутсайдерство в условиях глобализирующегося мира.

Представляется необходимым устранить то противоречие, которое существует между теоретическим осмыслением феномена мифа как явления культуры на междисциплинарном уровне и его эмпирической освоенностью в рамках прикладных социологических исследований. Так, если мы имеем достаточно эксплицитные представления в отношении социокультурных мифологем, содержащиеся в социально-философском знании, то испытываем явный дефицит таковых в социологическом познании. Практика социального управления, активность гражданского общества, тренды научных разработок нуждаются в точной диагностике, всесторонне раскрывающей содержание и глубину проникновения социокультурной мифологии в сознание общества.

Кроме того, от научного сообщества ждут конкретных предложений, направленных на формирование арсенала средств, способных осуществить демифологизацию коллективного сознания россиян. Принципиальное значение для решения этого вопроса имеет разработка механизмов, способных запустить и поддерживать в дальнейшем вытеснение из последнего иллюзорного, мифологического контента. Необходим комплекс мер, сочетающий в себе как формализованные, институциональные усилия, так и неформальный активизм гражданских структур.

Степень разработанности проблемы. Изначально проблематика, связанная с генезисом, сущностным содержанием и динамикой мифологизированных представлений, рассматривалась в рамках социальной философии и культурологии. С подробным исследованием природы социокультурной мифологии и ее основных атрибутов мы встречаемся в классических трудах Ф.В.Й. Шеллинга¹, А.А. Потебни², Э. Кассирера³, А.Ф. Лосева⁴, Я.Э. Голосовкера⁵, Ф.Х. Кессиди⁶, К. Леви-Стросса⁷, С.А. Токарева⁸, К. Поппера⁹ и ряда других авторов.

Формированию представлений о многообразии социокультурных мифологем и особенностях их объективации в социальных практиках способствовало знакомство с работами Н.М. Великой, Б.П. Гуслетова¹⁰, Д.Н. Замятина¹¹, Э. Гидденса¹², А.Г. Санина¹³. В свою очередь концептуальный аппарат диссертации и его методологические основания строились на основе материала, содержащегося в публикациях Н. Элиаса¹⁴, У. Бека¹⁵, А.М. Кузнецова¹⁶, Т. Парсонса¹⁷, Р. Коллинза¹⁸ и иных исследователей. При этом

---

¹Шеллинг Ф.В.Й. Философия мифологии. (в 2 томах). — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.

²Потебня А. А. Слово и миф. - М.: Правда, 1989.

³Кассирер, Э. Философия символических форм: В 3 тт. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.—СПб.: Университетская книга, 2002. — Том 2. Мифологическое мышление.

⁴Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 1994.

⁵Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987.

⁶Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М.: Мысль, 1972.

⁷Леви-Стросс К, Структура мифа, Санкт-Петербург: Мысль, 1992. .

⁸Токарев С.А. Что такое мифология?, Москва: Политиздат, 1983.

⁹Поппер К. Нищета историцизма. – М.: Прогресс, 1996.

¹⁰Великая Н.М., Гуселетов Б.П. От социальной утопии к социальному государству // Социс. – 2012. – №6.

¹¹Замятин Д.Н. Постгеография: капитал(изм) географических образов // Социс. - № 6. – 2012. – С. 4.

¹²Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации.- М.: Академический проект, 2005. – 190.

¹³Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социс. - № 12. – 2014.

¹⁴Элиас Н. Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001.

¹⁵Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну // М.: Прогресс-традиция. – 2000.

¹⁶Кузнецов А.М. Глобализация или космополитизация: об одном дискурсе современной западноевропейской социологии // Социс. - № 12. – 2014.

¹⁷Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002.

¹⁸Коллинз Р. Социологическая интуиция // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический Проект, 2004.

особое значение имело обращение к наработкам, полученным в рамках символического интеракционизма (Ч. Кули и др.), связавшим устойчивое существование социокультурной мифологии с доминированием моделей механистического социального поведения¹⁹.

Механизмы функционирования утопического сознания в условиях современности рассматривались на примере социетальных моделей, чье авторство принадлежит Ф. Фукуяме²⁰, В.И. Бестужеву-Ладе²¹, П. Козловски²², В.В. Ильину²³, Н.Н. Моисееву²⁴, Т. Фридману²⁵.

Присутствие элементов этнокультурной мифологии в традициях российских этносов проанализировано Р.Д. Хунаговым²⁶, Р.А. Ханаху²⁷, Т.И. Афасижевым, М.И. Шенкао²⁸, Э.А. Беевой²⁹, Х.М. Казановым³⁰. Различные аспекты мифологизированных представлений в сознании и культуре современного социума исследованы А.В. Гулыгой³¹, П.С. Гуревичем³², Ф. Джемисоном³³, Д. Кэмпбелл³⁴, Г.В. Осиповым³⁵. Компаративистика российского и западного мифологического корпусов выполнена Ю.И.

---

¹⁹ Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

²⁰ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. - № 3. – 1990.

²¹ Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. – М.: ВЛАДОС, 1989.

²² Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997, Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм, . – М.: Республика, 1998, Козловски П. Современность постмодерна // Вопросы философии. - № 10. – 1995.

²³ Ильин В.В. Мир глобо: вариант России. – Калуга: Полиграф-Информ, 2007.

²⁴ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума — М.: Языки русской культуры, 2000.

²⁵ Фридман Т. Плоский мир. Краткая история 21 века. – М.:Хранитель, 2006.

²⁶ Хунагов Р.Д. Личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности. М.: Антей. 2012.

²⁷ Ханаху Р.А. Северный Кавказ в свете проблем глобализации культуры // Кавказ и глобализация. – № 2. – 2008.

²⁸ Афасижев Т.И., Шенкао М.И. Социокультурные императивы адыго-абхзского и абазинского застольного этикета // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. - № 3.

²⁹ Беева Э.А. Пространственно-временные представления адыгов (по материалам мифов) // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. - № 10.

³⁰ Казанов Х.М. Ценностные ориентации в современном российском обществе. – Ростов/нДону: Изд-во РГУ, 2004.

³¹ Гулыга А.В. Миф и современность // Иностранная литература. - № 2. – 1984.

³² Гуревич П.С. Социальная мифология. – М. :Мысль, 1983.

³³ Джемисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. - № 4. – 2000.

³⁴ Кэмпбелл Д. Мифы, в которых нам жить. – Киев: София, 2002.

³⁵ Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. – М.: Норма, 2002.

Александровым и С.Г. Кирдиной³⁶. Опыт исследования мифологизации функционирования общественных институтов и структур продемонстрирован В.А. Сомовым³⁷, С.А. Кравченко³⁸, Т.Е. Хавенсон, Е.В. Миголь³⁹, Ж.Т. Тощенко⁴⁰, Т.С. Ахромеевой, Г.Г. Малинецким, С.А. Посашковым⁴¹, Е.Н. Даниловой⁴², П.А. Абрамовой, Г.Е. Зборовским⁴³. Реализация прикладной части исследования осуществлялась с учетом современного опыта, полученного отечественной социологией⁴⁴.

Завершая освещение степени разработанности заявленной в диссертации проблемы, следует отметить тот контраст, который существует между достаточно подробным анализом феномена социокультурного мифа как такового и низким уровнем понимания возможных путей и перспектив демифологизации сознания общества. В числе тех, кто занимался разработкой соответствующих стратегий М. Зафировский⁴⁵, Р.М. Деметрадзе⁴⁶, Д.В. Ефременко, Е.Ю. Мелешкина⁴⁷, М.Ф. Черныш⁴⁸.

---

³⁶ Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социс. - № 8. – 2012.

³⁷ Сомов В.А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социс. - № 2. – 2015.

³⁸ Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социс. - № 2. – 2015.

³⁹ Хавенсон Т.Е., Миголь Е.В. Социально-профессиональный статус и политические ценности России, Германии, США (сравнительный анализ) // Социс. - № 9. – 2011.

⁴⁰ Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Социс. - № 12. – 2010.

⁴¹ Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Новый взгляд на самоорганизацию в некоторых социальных системах // Социс. - № 5. – 2014.

⁴² Данилова Е.Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // Социс. - № 5. – 2014.

⁴³ Абрамова П.А., Зборовский Г.Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социс. - № 5. – 2015.

⁴⁴ Ротман Д.Г. Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований) // Социс. - № 5. – 2015.

⁴⁵ Зафировский М. Вне рационального выбора: элементы «теории иррационального выбора» // Социс. - № 3. – 2014.

⁴⁶ Деметрадзе М.Р. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ // Социс. - № 3. – 2012.

⁴⁷ Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социс. - № 6. – 2014.

⁴⁸ Черныш М.Ф. Трансмиссия культурного капитала и социальная мобильность // Социс. - № 8. – 2013.

Объектом исследования является содержание и способы воспроизводства мифологических конструктов в динамике культуры современного российского общества.

Предметом исследования выступают пути и перспективы демифологизации общественного сознания.

Цель исследования заключается в проблематизации социокультурной мифологии в качестве предмета социологического познания, выявлении структуры социокультурного мифа и определении его места в сознании современного российского общества, раскрытии диалектики конструктивного и деструктивного функционала мифологизированных представлений применительно к социальной практике, получении эмпирических данных относительно степени и характера мифологизированности отечественного социума, разработке общей стратегии, направленной на преодоление мифологически окрашенных аббераций общественного сознания.

Реализация поставленной цели осуществлялась путем решения следующих **задач**:

- выполнения комплекса операциональных процедур, направленных на экспликацию понятия социокультурного мифа;
- разработки методологических оснований исследования проблематики социокультурной мифологии;
- выявления местоположения социокультурных мифологем в структурах общественного сознания;
- описания сущностных характеристик корпуса российской социокультурной мифологии;
- достижения понимания уровня и характера мифологизированности современного российского социума;
- обнаружения условий демифологизации массового сознания.

Гипотеза исследования. Противодействие общественных механизмов, связанных как с воспроизводством социокультурной мифологии, так и с ее

разрушением обуславливают неопределенность состояния коллективного сознания, с точки зрения присутствия в нем мифологического контента, даже в самой близкой перспективе. Усилению роли и места социокультурного мифа в социальных практиках способствуют стихийно происходящие события, ведущие к социальной фрустрации или повышению напряженности в жизни общества, а также институционально организованная деятельность, направленная на стимуляцию мифологического сегмента общественного сознания. Основными усилиями, направленными на снижение зависимости социального актора от социокультурного мифа, должен стать комплекс мер, связанных с модернизацией социума, привитием последнему навыков критического и аналитического мышления, развитием гражданского общества, реформированием существующей институциональной системы, перекодировкой наиболее архаичных этнокультурных кодов.

Теоретико-методологические основы диссертации строились исходя из понимания специфики ее проблематики, состоящей как в имплицитном существовании социокультурных мифологем, так и в трудности достоверной фиксации протекания процесса мифологизации массового сознания. Обладая высокой способностью к диффузии, мифологические интенции присутствуют не только на уровне обыденности, в пространстве жизненного мира, но и в рефлексии ученого. Примером сказанного может быть утопизм многочисленных современных социальных теорий, претендующих на статус научных. В числе последних концепция «конца истории» (Ф. Фукуяма), теория «плоского мира» (Т. Фридман), «христианский экономизм» (М. Новак) и эклектическая «культура постмодерна» П. Козловски.

Тем не менее, целый ряд социологических теорий и исследовательских подходов продемонстрировали свой высокий эвристический потенциал. Так, концептуальные положения функционализма позволили интерпретировать социокультурную мифологию в качестве регулятива социального поведения. Одновременно системно-структурный подход дал возможность понимания

мифологического конструкта как ряда систем, включающего в себя личностную, социальную, деятельностьную и культурную системы.

Феномен устойчивости социокультурных мифологем нашел свое объяснение при обращении к теории рутинизации Питера и Бриджит Бергеров, описывающей такое действие механизмов общественного сознания, которое устраняет внутри себя противоречие между социокультурной мифологией и объективной реальностью. В методологическом отношении представляет интерес и идея Р. Коллинза, распространившего законы функционирования религиозного сознания на мифологический сектор последнего, что объясняет атрибутивность социокультурного мифа по отношению к любому типу общества.

Символический интеракционизм, в лице Ч. Кули, указал на мифологический контент сознания общества как на детерминанту формирования механистических поведенческих стратегий, не предполагающих наличия рефлексивного момента. Компенсаторная функция социокультурной мифологии раскрывается в т.н. «принципе надежды» Э.Блоха.

Эмпирическая база работы представлена данными, полученными в ходе формализованного интервьюирования по квотной выборке, в рамках которого было опрошено 1350 респондентов, репрезентированных по типу населенного пункта, половозрастным, стратификационным, этническим и образовательным признакам. Кроме того, источниками социологической информации выступили 57 экспертов, представленных научной, образовательной, управленческой и общественно-политической средой. Получение первичной социологической информации осуществлялось в период второй половины 2014 – начала 2015 годов, преимущественно в регионах Юга России и Северного Кавказа.

Вторичный анализ исследования представлен соответствующими данными научной периодики, контент-анализом публикаций социокультурной и публицистической направленности, помещенных в

общественно-политических средствах массового информирования, а также на аналогичных по содержанию сайтах местного и центрального уровней.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- осуществлены факторная и структурная операционализация понятия социокультурного мифа, кроме того его операциональное определение обеспечило адаптацию данного концепта к прикладному социологическому исследованию;
- уточнены теоретико-методологические аспекты социокультурного мифотворчества;
- описана типовая структура социокультурного мифа, выявлены особенности локализации мифологического контента в сознании современного российского общества;
- выявлен характер общественных угроз, содержащийся в корпусе отечественной мифологии;
- установлена степень мифологизированности массового сознания, конкретизировано содержание доминантных социокультурных мифологем.
- определены основные направления и конкретизированы усилия по демифологизации общественного сознания.

Исходя из указанных пунктов новизны, на защиту выносятся следующие **положения**

1. Понятие социокультурного мифа должно нести в себе объяснительную нагрузку и являться инструментальным применительно к качественным социологическим исследованиям. Это связано с трудностями осуществления социологических замеров общественного сознания на предмет установления степени его мифологизированности. Для понимания детерминант процессов мифообразования следует обратиться к терминологии примордиализма, артикулирующей зависимость содержания социокультурного мифа от «генетического кода» этноса, от интуитивного ощущения последним своего единства и неповторимости.

2. Необходимо предельно расширить методологическую базу проблематики, связанной с мифологией общественного сознания, с включением в нее не только собственно социологических теорий и концептов, но также и близких ей разработок из иных областей современного социально-гуманитарного знания. Потребность в диверсификации теоретической составляющей работы обусловлена как тематизацией социокультурного мифотворчества представителями различных областей гуманитаристики, так и спецификой самого предмета исследования. Для того чтобы определить, относится тот или иной контент массового сознания к сфере социокультурной мифологии, а не является отражением, пусть и искаженным, существующих в действительности реалий, разновидностью объективной антиципации или продуктом исторической памяти, следует опираться на труды историков, философов, футурологов, социальных психологов, а также популяризаторов достижений современной науки.

3. Мифологический паттерн не может существовать сам по себе в отрыве от социокультурного фундамента общества. Основой его существования выступает коммуникация, в процессе которой происходит постоянное воспроизводство той или иной социокультурной мифологемы. Выпадение субъекта социальной практики из конкретного коммуникативного пространства, его длительное отсутствие в последнем, влечет за собой и изменение содержания социокультурного мифа, который начинает трансформироваться внутри себя, прирастая элементами мифологии, атрибутивными по отношению к текущему коммуникативному процессу.

4. Мифологизированное сознание представляет собой пространство противоречий и диаметрально противоположных ценностных знаков. С одной стороны, социокультурная мифологема обеспечивает консолидацию общества, обеспечивает его этнорелигиозную идентичность, мобилизует на участие в общенациональных проектах, но при этом препятствуя объективному и непредвзятому восприятию окружающего мира, консервируя исторически сформировавшиеся заблуждения, продуцируя стереотипы и

абберации сознания. Носитель мифологизированной ментальности лишен креативной, рефлексивной субъектности, способности инициативно формировать эффективные поведенческие стратегии и оперативно адаптироваться к стремительной трансформации глобальных социокультурных реалий.

5. Носителями тех или иных мифологизированных представлений являются от 50 до 70 процентов населения современной России. Общими параметрами всей совокупности мифологических конструктов выступают: этатизм, гипертрофированное коллективистское начало, оборонное сознание, холистический подход к восприятию окружающей действительности, синтез стигматизма и мессианства, ретроцентричность, морализм и эгалитаризм. Указанные атрибуты современной социокультурной мифологии обладают константным характером и в самом общем виде сохраняются и в те периоды, которые связаны с изменением вектора исторического развития страны. Попытки, связанные с изменением кода социокультурной мифологемы либо отвергаются обществом, либо осуществляются в соответствии с константой коллективных представлений.

6. Очевидна необходимость перехода от стихийного, спонтанного вытеснения архаической мифологии из общественного сознания к спланированным и скоординированным усилиям со стороны гражданского общества и действующих в нем институтов. Это может быть сделано посредством разработки как целевых общероссийских и региональных программ, так и за счет включения контрмифологических установок в контекст иных проектов. Во многом конечный результат подобной деятельности будет зависеть от конкретных практических задач, встающих перед современным российским обществом, от того какая перспектива цивилизационного развития будет им выбрана

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в выявлении уровня и характера мифологизации общественного сознания, определении круга проблем, обусловленных существованием массовых

мифологизированных воззрений в качестве ориентиров социального поведения, установлении взаимосвязи между культурной средой и спецификой аберрированных представлений. Диссертационное исследование содержит в себе универсальную теоретико-методологическую модель изучения самого широкого круга проблем, связанных с социокультурной мифологией, а также делает возможной дальнейшую тематизацию дальнейшей трансформации социокультурных мифологем в режиме мониторинга.

Данные, полученные в ходе работы над диссертацией, могут быть востребованы образовательными организациями, экспертным сообществом, найти свое применение в практике социального управления и деятельности структур гражданского общества.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК РФ. Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 22.00.06 – социология культуры: п.п. 1. Социокультурный процесс, его структура и особенности. 6. Социальная динамика культуры. Социальные механизмы преемственности и инноваций в культуре. 10. Цивилизация и культура. Глобальные и локальные тенденции культурного развития.

Апробация работы. Основные результаты работы были доложены и обсуждены на Всероссийской научно-практической конференции «Информационные системы и технологии как модернизационный потенциал современного российского социума» (Ставрополь, 2013), 21-й Межвузовской научно-практической конференции «Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития» (Ставрополь, 2014), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Гуманизация культуры как проблема современного общества: региональный контекст» (Ставрополь, 2014), Ежегодной городской научно-практической конференции «Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога» (Ставрополь, 2014), 22-й Межвузовской

научно-практической конференции «Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития» (Ставрополь, 2015), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «общество и личность: гуманизация взаимодействия и культура партнерства» (Ставрополь, 2015), Ежегодной городской научно-практической конференции «Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога» (Ставрополь, 2015), ряде методологических семинаров различного уровня.

Материалы диссертации были включены в факультативный курс по социологии отечественной культуры в Северо-Кавказском социальном институте. Диссертация принята к защите на заседании кафедры социально-гуманитарных дисциплин СКСИ. Материалы исследования изложены в одиннадцати научных статьях, три из которых в изданиях, рекомендованных ВАК России.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения, библиографического списка, включающего 244 наименования. Общий объем работы 160 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается необходимость исследования перспектив демифологизации массового сознания в качестве условия модернизации российского общества и его культуры, анализируется состояние разработанности проблематики социокультурной мифологии современной социологической наукой, обозначаются предмет и объект диссертации, определяются ее цели и задачи, предлагается методологическая стратегия, указывается научная новизна, формулируются тезисы, выносимые на защиту, отмечаются направления и перспективы использования полученных результатов.

Первая глава – **«Социокультурная мифология в системе социологического знания»**, включающая в себя три параграфа, содержит операционализацию понятия социокультурного мифа, исследует теоретико-методологические аспекты проблемы, описывает структуру социокультурных мифологем, а также особенности их локализации в массовом сознании.

В первом параграфе первой главы – **«Операциональные аспекты понятия социокультурного мифа»** реализуется задача, связанная с операционализацией понятия социокультурного мифа, осуществляется комплекс эксплицитных процедур, позволяющих адаптировать данное понятие к проблематике массового сознания современного российского общества.

В качестве варианта решения обозначенной задачи предлагается исследование детерминант социокультурного мифотворчества, позволяющее, объяснить перепады общественных настроений и, в конечном итоге, сформулировать критерии аберрированности общественного сознания с точки зрения степени его мифологизированности. При этом весь корпус социокультурной мифологии дифференцируется по признаку его происхождения на исторически сформировавшийся и содержащий в себе вполне определенное целеполагание, связанное с современностью. Продуцирование последнего диссертант связывает с деятельностью СМИ, практикой социального управления, активностью общественно-политических сил и т.п.

В параграфе предложено учитывать региональный аспект социокультурного мифотворчества, значимость которого в настоящее время резко возросла, что связано с интенсификацией горизонтальной социальной мобильности. В качестве примера «регионального мифа» диссертант ссылается на так называемый «миф Москвы», трактующий данную территорию как источник бесконечного блага, как город неограниченных возможностей, где каждый приезжий обязательно обретет свое счастье.

Констатируется устойчивость данного мифа, несмотря на то, что надежды вновь прибывающих зачастую оказываются нереализованными, а сами они вынуждены в течение длительного времени продолжать оставаться на самых низких ступенях социальной лестницы.

Предметом специального исследования автор делает модель общественно-политического устройства с точки зрения ее влияния на содержание социокультурной мифологии. Подчеркивается, что смена парадигмы общественного развития, сопровождавшаяся исчезновением деактуализированных мифологем, вызывает к жизни новые утопические представления, которые выступают антиподами предшествующих. Последнее предполагает анализ мифологического конструкта с точки зрения его актуальности для общества.

Операционализация понятия социокультурного мифа предполагает и обнаружение эмпирического измерения соответствующих мифологем. Миф должен не просто присутствовать в массовом сознании, но и каким-то образом объективироваться. Носитель мифологического сознания, воспринимающий окружающую действительность через призму своих аберрированных воззрений, будет соответствующим образом позиционировать себя в качестве социального актора. Для социолога очень важно суметь установить корреляты между мифологическими элементами сознания и практикой социального поведения.

Вероятностная природа социокультурного мифа заставляет включать в его понятийную оболочку только те элементы, которые сохраняют свой мифологический контент при любом сценарии будущего, а не будут элиминированы в результате дальнейшего научно-технического развития социума. Одновременно подчеркивается необходимость не просто операционализации понятия социокультурного мифа, но и его экспликации в различных дисциплинарных контекстах.

Во втором параграфе первой главы – **«Социокультурное мифотворчество как теоретико-методологическая проблема»** реализуется

поиск методологических оснований разработки проблематики, связанной с продуцированием социокультурной мифологии, ее нахождением в сознании общества, а также поиском путей демифологизации последнего.

Отмечается специфичность социокультурной мифологии в качестве предмета социологического анализа, что связано с его преимущественно латентным присутствием в поле социальной действительности. Предпринимаются усилия, направленные на максимальное расширение методологической базы за счет включения в нее самых разнообразных концепций и теорий, что объясняется мультикультурной основой современного социума и наличием дифференцированного полимифологического пространства.

В частности, существенный потенциал для исследования действия механизмов мифологизации массового сознания содержится в функционалистской теории. Раскрывая принципы деятельности социальной системы, функционализм отмечает наличие в их перечне принципа коллективной целевой ориентации, означающего, что в социуме присутствует некое коллективное целеполагание, связанное с доминантной системой ценностей, общественными нормами или массовыми ожиданиями. В свою очередь, исследуемая в работе социокультурная мифологема, вполне попадает под функционалистское определение коллективной целевой ориентации.

Значительный интерес, с точки зрения формирования методологической стратегии в отношении проблематики локализации социокультурной мифологии в массовом сознании, представляет социология религии. Экстраполируя социологические знания в отношении религии в проблемное поле социокультурной мифологии, не трудно увидеть, что мифотворчество, также как и религиозные верования, обеспечивает внутреннюю сплоченность общества, солидарность его позиций по многим фундаментальным вопросам социального бытия, выступает генератором смыслов и регулятивом социальных практик. Апелляция к социологии

религии помогает прояснить действие механизмов мифологически детерминированного социокультурного ритуализма, моральных оснований человеческих поступков, а также характер воздействия мифа на политическую, экономическую и иные сферы общественной жизни.

Достаточно продуктивным в методологическом отношении видится и символический интеракционизм. Безусловная заслуга символического интеракционизма состоит в изучении психологии толпы, которая полностью зависима от плохо осознаваемых эмоций и неподдающихся учету мотивов, неотъемлемой частью которых выступает и социокультурная мифология.

Подчеркивается ограниченность такого понимания социокультурного мифа, как нечто архаичного и лишённого всякого рационального начала. Каждая новая историческая эпоха выступает творцом своей собственной мифологии, подтверждением чего служит комплекс мифологических представлений постиндустриального общества. В этой связи указывается на необходимость обращения к методологии постиндустриализма и постмодернизма в качестве неотъемлемой составляющей методологической стратегии исследования.

В третьем параграфе первой главы - **«Структура социокультурного мифа и его локализация в массовом сознании»**, содержится констатация универсальности социокультурной мифологии, ее атрибутивности по отношению к любому типу ментальности и любой общественной системе.

Диссертант предпринимает попытку выделить основные типы массового сознания, существующие в различных социумах. Указывается на коллективистскую артикулированность сознания россиян, делается вывод, согласно которому среднестатистический россиянин обладает ярко выраженным коллективистским сознанием, мыслящим себя в понятиях этатистской, социокультурной общности. Любые оценки социально-экономической, геополитической и иных сфер оказываются преимущественно наделенными коллективистской тональностью, при которой «Я» заменяется на «Мы». Соответствующий настрой находит свое

косвенное отражение в речевых практиках повседневности, оперирующих такими характерными выражениями как: «власть не обращает на нас внимания», «наши проблемы никого не волнуют», «нам этого не надо», «Запад нам угрожает», «нам этого не нужно». Примечательно, что коллективистские интенции никак не связаны типом общественно-политического сознания, а имеют универсальную привязку ко всем вышеобозначенным типам. Так, либеральный дискурс изобилует такими холистическими понятиями как «этот народ», «эта страна», «этот режим» и т.п.

По мнению автора, каждый россиянин представляет себе существование некоего коллективного субъекта, с которым он осуществляет взаимодействие, находится во внутреннем диалоге, оценивает его активность. Данный коллективный субъект осуществляет определенные действия, принимает решения, совершает правильные или ошибочные поступки. Он является мифологизированным персонажем, чье существование, тем не менее, воспринимается как вполне реальное. Даже в том случае, если данный персонаж имеет все признаки персонификации, то и он будет весьма условным.

Мифологический паттерн общества во многом формируется теми глубинными представлениями, которые присутствуют в структуре общественного сознания. Речь, в данном случае, идет о таких подотделах последнего как политическое, экономическое и идеологическое сознание. Применительно к России подобный паттерн определяется следующими императивами и представлениями:

- 1) Политическое сознание:
  - соборность;
  - унитаризм;
  - вертикально выстроенная власть;
  - наличие «сильного» лидера;

- консолидированная общественная позиция по основным вопросам жизнедеятельности общества;

- лояльность;

- декоративный характер любых форм оппозиционности (парламентаризм, пресса, политические и общественные движения и проч.).

2) Экономическое сознание:

- символическое превосходство государственной собственности над частной;

- приоритетность государственной службы по отношению к иным формам трудовой деятельности;

- одобрение использования нерыночных подходов в народном хозяйстве;

- осуждение чрезмерного богатства;

- отрицание возможностей для некриминального обогащения;

- существование некоего центра, влияющего на экономические процессы (президент, мировая закулиса, Условный «Запад», олигархи и т.п.).

3) Идеологическое сознание:

- артикулированный патриотизм;

- ценности коллективизма;

- непрагматические ориентиры как регулятивы социальной практики;

- эгалитаризм;

- патернализм.

Попытки построить успешную и, главное, жизнеспособную модель общества, вне опоры на мифологический контент массового сознания, его архетипическую составляющую не просто оказываются обреченными на неудачу, но и не могут существовать сколь-нибудь исторически продолжительный отрезок времени. Подтверждением являются неудачные попытки социального реформирования российского общества в 90-е годы прошлого столетия, не получившие не столько эмпирической поддержки со

стороны последнего, сколько своего морально-этического, экзистенциального признания.

Вторая глава - **«Мифологическое измерение сознания российского общества и перспективы его демифологизации»**, состоящая из трех параграфов, конкретизирует последствия аберрированности сознания общества, осуществляет социологическую диагностику степени его мифологизированности, исследует перспективы вытеснения мифологического контента.

В первом параграфе второй главы – **«Социокультурная мифологема как аберрация общественного сознания»** говорится о том, что социокультурное мифотворчество формирует искаженную картину эмпирической действительности, консервирует архаичные образцы социального поведения, препятствует динамичному развитию общества. Подчеркивается, что носитель мифологизированного сознания, как правило, лишен креативной, рефлексивной субъектности, способности независимо формировать эффективные поведенческие паттерны и оперативно адаптироваться к стремительной трансформации глобальных социокультурных реалий.

Любой социокультурный миф содержит в себе скрытое или явное допущение вторичности социального актора по отношению к окружающей его действительности. По сути дела, речь идет о внешнем «руководстве» протекающими социокультурными процессами и явлениями. Соответствующая детерминация может быть приписана «исторической судьбе», «геополитическим реалиям», «деструктивным силам», «объективным законам истории», «сакральной фигуре правителя» или «цивилизационному предназначению».

Одним из модусов существования отечественной социокультурной мифологемы выступает мотив «врага» в качестве обязательного рефрена мифологического дискурса. В этом проявляется склонность

мифологического сознания к «вытеснению» того своего контента, который связан с самокритикой и объективным самоанализом.

Продуцируя миф о социально ориентированном обществе в качестве цивилизационной нормы, современный российский истеблишмент поощряет укрепление иждивенческих, патерналистских настроений, притом что последние и без того имеют прочную исторически обусловленную укорененность в массовом сознании. В сочетании с низким общим уровнем экономической культуры населения, подобная мифологема умножает объем aberrаций в сознании общества, толкает его членов на построение ошибочных поведенческих моделей, не обеспечивает рост их социальной капитализации, препятствует формированию таких личностных качеств, которые были бы адекватны существующим реалиям.

Во втором параграфе второй главы – **«Эмпирическое измерение социокультурной мифологемы»** отражен прикладной аспект исследования, связанный с получением первичной социологической информации, позволяющей интерпретировать социокультурную мифологию как пространство коллективного бессознательного и как систему конкретных представлений, отчетливо рефлекслируемых сознанием общества. Логика задаваемых вопросов, равно как и последовательность осуществления эмпирической части исследования, строились на описанном ранее мифологическом паттерне, основания которого находятся в политической, экономической и идеологической формах общественного сознания.

В представленной ниже таблице нами отражены результаты исследования мифологии политического сознания. Статус политического мифа в общественном сознании показан в его наиболее типичных ипостасях, включающих обязательность наличия общего морально-нравственного пространства, признание приоритета интересов социума по отношению к индивидуальным интересам, запрос на «сильную» персонифицированную власть, отрицание возможности личного процветания в условиях

несовершенной общественной жизни, единство целеполагания, стремление к консенсусу и т.п.

Согласны ли Вы со следующими утверждениями?	да	нет	затрудняюсь ответить
Должны существовать общие для всех морально-этические нормы	67%	13%	20%
Интересы общества выше интересов отдельного человека	49%	24%	27%
Достижение личного успеха невозможно в отрыве от достижения успеха обществом в целом	71%	16%	13%
У общества должны существовать единые политические цели, объединяющие всех людей без исключения	38%	29%	33%
Политические разногласия в обществе наносят ему вред	56%	41%	3%
Государство должно заботиться о наших соотечественниках за рубежом не меньше чем о гражданах России	48%	37%	15%
Без сильного лидера невозможны порядок и процветание страны	71%	26%	3%

В таблице отражено самовосприятие общества в качестве единого, целостного организма, некой сверхличности, воплотившей в себе комплекс представлений о должном, носителе и хранителе системы политически окрашенных императивов.

Следующий блок вопросов был ориентирован на раскрытие степени мифологизированности экономического сознания россиян. Предметом исследования стали такие мифологически окрашенные стереотипы как признание приоритетности государственной собственности по сравнению с частной, аксиоматика превосходства государственной службы над остальными разновидностями трудовых практик, поддержка нерыночных подходов к осуществлению хозяйственной деятельности, осуждение богатства, представления о криминальной природе крупного капитала, склонность к поиску внешних проблем отечественной экономики, которые, якобы искусственно создаются зарубежными врагами России.

Разделяете ли вы приведенные ниже утверждения?	да	нет	затрудняюсь ответить
В первую очередь следует развивать государственную экономику, а не поддерживать частный сектор	66%	19%	15%
Государственная служба – лучшее место работы	82%	11%	7%
Государство обязано активнее регулировать ход экономических процессов	87%	7%	6%
Большие капиталы в частных руках – это зло для общества	63%	15%	22%
Честно разбогатеть невозможно	89%	5%	6%
В экономических проблемах страны виноваты наши враги за рубежом	56%	37%	7%

Сравнивая, опираясь на полученные социологические результаты, состояние политического и экономического сознания общества с точки зрения их детерминации социокультурной мифологией, мы можем со всей очевидностью наблюдать большее мифологическое воздействие именно на последнее. Сумма аберрированных представлений здесь выше примерно на треть. Данный факт может быть объяснен тем, что область политики гораздо меньше затрагивает прямые материальные интересы социального актора и, соответственно, он в большей степени предрасположен к реалистическому восприятию как политических реалий, так и к объективной оценке политических процессов. Напротив, личные неудачи в реализации экономических практик, неспособность найти себя в условиях свободного рынка, низкий уровень экономической культуры создают питательную среду для самых разнообразных мифологем, представляющих собой средства для объяснения происходящего в сфере экономики.

Маркерами мифологизированности идеологического сознания общества были определены гиперболизация места государства в мировом развитии, абсолютизация национальных особенностей, ориентация на коллективистские установки, зависимость индивидуального сознания от

общественного мнения, ценности эгалитаризма, легитимизация присутствия государства в сфере частной жизни.

Являются ли правильными следующие точки зрения?	да	нет	затрудняюсь ответить
Россия выступает носителем уникальных идеалов и ценностей, далеко превосходящих по своему совершенству идеалы и ценности других народов	32%	46%	22%
Развитие общества есть результат сплоченных действий коллектива, а не усилия одиночек	64%	13%	23%
В своей жизнедеятельности человек должен ориентироваться на мнение окружающих	47%	44%	9%
Стремление к максимальному равенству его членов – одна из важнейших задач государства и общества	83%	11%	6%
Власть должна обеспечить общество четкими инструкциями относительно того, как ему следует действовать в ситуации социально-политической и экономической неопределенности	73%	21%	6%

Наиболее зримым проявлением мифологизации идеологического сознания россиян выступает наличие мощного социального запроса на эгалитаризм. Тема равенства, частично уже прозвучавшая при исследовании политического и экономического сознания, обрела новую тональность в пространстве сознания идеологического. Абсолютное число опрошенных (83 процента) видят одной из важнейших задач государства и общества обеспечение максимального равенства его членов. При этом только каждый десятый из числа респондентов выступил в роли оппонентов данной точке зрения.

В третьем параграфе второй главы – **«Развитие гражданского общества как условие демифологизации общественного сознания»** осуществлен поиск путей и механизмов для максимально эффективного решения задачи по демифологизации российского общества.

Основной целью объединенных усилий социальных и государственных институтов, СМИ, а также всех заинтересованных в работе названо развитие

субъектности у наших сограждан. Эту сверхзадачу уже в ближайшее время предстоит решать образовательным учреждениям, современному институту семьи, профессиональным сообществам, организациям культуры и т.п. В качестве одного из механизмов решения данной проблемы мы видим создание условий для интенсификации проведения общественного диалога посредством развития в современном российском обществе культуры дискуссий, налаживания системы «обратной связи», повышения гражданского самосознания в целом. Так, например, введение в средней школе преподавания логики могло бы способствовать появлению навыков правильного суждения, построению умозаключений и получению рациональных выводов. В конечном итоге, массовый социальный актор, сохраняя свою духовную принадлежность соответствующему социуму, должен уметь осознавать себя автономной единицей, имеющей возможность свободного, рационального действия, эмансипированной не только от коллективных предрассудков, но и от личностной рефлексивной ущербности.

Одновременно нуждаются в пересмотре и принципы воспитания подрастающего поколения. В их основу должны быть положены императивы свободы и личной ответственности, самостоятельности и эффективности, прагматизма и креативности. До сих пор существующая система социализации продолжает ориентироваться не на формирование современной, социально капитализированной личности, а на механистическое воспроизводство носителей традиционалистского сознания, обладающих малой конкурентоспособностью не только на мировом, но и на внутреннем рынке труда.

Еще одна возможность ухода от восприятия социальной действительности через призму социокультурной мифологии состоит в изменении этнокультурного кода, детерминирующего патерналистские настроения и холистский способ мышления. Инструментом достижения поставленной цели могут стать перестройка жизненного мира, изменение символических систем или трансформация ритуалов. Очевидно, что

этнокультурные коды как ничто иное оказывают определяющее воздействие на все без исключения подсистемы общества, служат регуляторами функционирования институтов и гарантами существующего социального порядка. При этом важно помнить, что изменение этнокультурных кодов вовсе не означает отказ от собственной социокультурной идентичности. Речь скорее идет о ее модернизации, об адаптации к вновь образующимся реалиям.

В **«Заключении»** анализируются основные результаты, полученные в исследовании, обосновывается устойчивость мифологически окрашенных представлений, существующих в сознании современного общества, указывается на возможности снижения зависимости коллективного сознания россиян от мифосодержащих установок. Подчеркивается, что репрезентативность и многоаспектность представленного в диссертации материала позволяет создать задел для дополнительных изысканий в области социокультурной мифологии. Содержащийся в работе социологический инструментарий делает возможным осуществление соответствующих мониторинговых разработок.

**ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ
СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:**

1. Марченко Р.А. Понятие социокультурного мифа: проблема операционализации // Философия права. - 2013.№ 6 – С. 115-118. (рекомендовано ВАК РФ)
2. Марченко Р.А., Федоровский А.П. Социокультурный миф как инструмент рационализации социальной практики // Философия права. - 2015.№2. – С. 61-64. (рекомендовано ВАК РФ)
3. Марченко Р.А. Мифологические паттерны современного российского общества в проблемном корпусе социологии культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2015. Выпуск 2 (158). – С. 168-175. (рекомендовано ВАК РФ)
4. Марченко Р.А. Социальная утопия как теоретическое выражение социокультурного мифа // Информационные системы и технологии как модернизационный потенциал современного российского общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского социального института, 2013. – С. 77-80.
5. Марченко Р.А. Особенности локализации социокультурного мифа в массовом сознании // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития. Материалы 21 Годичного научного собрания профессорско-преподавательского состава. - Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского социального института, 2014. – С. 223-226.
6. Марченко Р.А. Фобии общественного сознания как продукт его мифологизации // Гуманизация культуры как проблема современного общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского социального института, 2014. – С. 18-21.

7. Марченко Р.А. Идея «малой родины» и мифологема трансмобильности // «Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога». Материалы ежегодной городской научно-практической конференции. - Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского социального института, 2014. – С. 169-172.
8. Марченко Р.А. Географические представления как элемент современного мифологического сознания // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития. Материалы 22 Годиного научного собрания профессорско-преподавательского состава. - Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского социального института, 2015. – С. 182-185.
9. Марченко Р.А. Социокультурная мифологема как проблема социологического исследования // Общество и личность: гуманизация взаимодействия и культура партнерства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского социального института, 2015. – С. 176-179.
10. Марченко Р.А. Социокультурная мифология постиндустриального общества // Актуальные проблемы современной России: социокультурный дискурс. Сборник научных статей. – М. : Изд-во УРАО, 2015. – С. 33-37.
11. Марченко Р.А. Этнокультурные коды и их роль в демифологизации сознания общества // «Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога». Материалы ежегодной городской научно-практической конференции. - Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского социального института, 2015. – С. 156-161.

Северо-Кавказский социальный институт
355012, г. Ставрополь, ул. Голенева, 59а

Типография НОУ ВПО «СКСИ» Тираж 100 экз. П.л. 1,8 Заказ № 687